

К тому же чутьё направления у этого мальчика было поразительно точным. В отличие от здешних торговцев, которым требовалось двадцать-тридцать лет странствий по пограничью, чтобы накопить подобный опыт, чутьё юноши больше походило на инстинкты волчьей стаи в пустыне — словно оно шло от природы хищного зверя.

Такая череда странностей внушала предводителю тайный страх перед мальчиком. Заискивающе улыбаясь, он попытался договориться:

— Брат, я же вижу, ты человек честный. Раз уж мы подписали договор, давай лучше продолжим путь вместе — так всем будет спокойнее.

Лу Цянь молча смотрел на него некоторое время, затем вдруг повесил длинный клинок обратно на пояс, нагнулся, поднял мясо и воду и шагнул дальше в выбранном направлении, бросив предводителю лишь одну фразу:

— Идите следом. У меня нет времени тратить его на вас.

— Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому! Родственники избаловали так, что берегов не видишь? Я тебя сегодня научу уму-разуму! — Лю Саньху размял запястья и бросился за ним, но предводитель резко его окликнул.

— Братец Чжао! — в сердцах выкрикнул Лю Саньху. — Мы ему жизнь спасли, а он нас ни во что не ставит, да ещё и от договора вильнуть хочет! Мы что, терпилами перед этим сопляком станем?!

Взгляд предводителя похолодел:

— Это когда же мы спасли ему жизнь? Еду и воду он купил у нас за чистое серебро, а не получил от тебя даром по доброте душевной. С чего ты хвост-то распустил?

Лю Саньху аж покраснел от досады, не ожидая, что старший брат заступится за чужака.

Видя его злобу, предводитель отвёл его в сторону и тихо зашептал:

— За эту поездку мы загребём две тысячи пятьсот лянов серебра! Этого хватит, чтобы открыть дельце и жить в достатке до конца дней, не сгибая спины в этой пустыне. Этот парень — наш живой денежный идол, так что если можно его не гневить, лучше не гневи. Какая у него семья богатая, такая и влиятельная. Оставим ему добрую память о себе — авось потом, когда возникнут трудности, сможем прийти к нему за помощью. Ну что ты такой вспыльчивый?

Остальные мужчины, услышав это, тоже сообразили, в чём дело. Восхитившись предусмотрительностью предводителя, они стали подходить к Лю Саньху, убеждая его умерить пыл.

Хотя Лю Саньху и не хотелось спускать с рук заносчивость богатенького барчука, перечить предводителю он не смел. Ему пришлось придушить злость и молча поплестись вслед за юношей.

Благодаря вразумлению предводителя остальные мужчины принялись подсознательно заискивать перед Лу Цянем, надеясь по прибытии в столицу завести полезные связи с богатым домом.

Козлиная Бородака проявлял особое усердие: уговорил Лу Цяня положить мясо и воду на свою

повозку, а затем и вовсе достал из собственного запаса сухой паёк и отдал ему, не взяв ни медяка.

Лу Цянь тоже не остался совсем уж безучастным — по дороге он стал держаться чуть ближе к Козлиной Бородке.

И не потому, что его растрогала забота Козлиной Бородки, а потому, что из подслушанного накануне ночью разговора Лу Цянь понял: единственная цель этих торговцев — серебро.

А значит, и лебезение Козлиной Бородки обусловлено исключительно жаждой наживы.

Следовательно, стоит ему благосклонно принять ухаживания Козлиной Бородки, как тот поверит, будто за свою угодливость получит щедрое вознаграждение. Остальные же, тоже жаждущие денег, начнут брать с него пример, что сделает путешествие Лу Цяня куда более комфортным.

Вот только никаких наград Лу Цянь им давать не собирался — эти торговцы ему не нравились.

Остальные купцы и впрямь без колебаний угодили в ловушку Лу Цяня: перебивая друг друга, они тайно сунули мальчишке еду и питьё.

Никому и в голову не приходило, что этот с виду наивный барчук совершенно осознанно каждый день сближался с разными людьми, успешно стравливая хитрых дельцов в борьбе за своё внимание и выжимая из них максимальную выгоду.

Когда пустыня уже подходила к концу, предводитель попросил Козлиную Бородку передать Лу Цяню одну просьбу.

Они хотели, чтобы Лу Цянь сделал вместе с ними небольшой крюк и заехал на гору Байсиншань: заключить сделки с местными инородцами и закупить сухой паёк и обиходные вещи, необходимые для пути в столицу.

Помимо пополнения провизии, им нужно было распродать по дешёвке товары, привезённые на пограничье.

Гора Байсиншань находилась к югу от пустыни, и дороги там были куда удобнее, чем у племён за границей, поэтому задрать цену на товары бы не вышло.

Чем дальше на юг, тем дешевле становился товар.

Раньше за одну поездку на пограничье при удачном раскладе они могли выручить около сотни лянов серебра, да ещё и набрать пушнины для перепродажи дома.

В этот же раз им попался маленький бог богатства, и в столице их ждали огромные деньги. Так что они были согласны смириться с меньшим наваром от своей торговли, но везти груз обратно в целости и сохранности точно не собирались.

Торговцы опасались, что их маленький бог богатства откажется делать крюк, однако тот неожиданно легко согласился, и все вздохнули с облегчением.

Лу Цянь не знал, где поблизости найти рынок, и раз торговцы сами вызвались показать дорогу, отказываться он не стал.

Если там есть рынок, то денег, данных матушкой-наложницей, с лихвой хватит на несколько

телег еды и воды, а может, найдётся даже молоко и мёд.

Его Высочеству необходимы были молоко и мёд. Его Высочество ждал их с нетерпением.

Была и другая причина: название «Байсиншань» Его Высочеству упоминал маленький компаньон.

Поговаривали, будто там живёт какой-то мастер боевых искусств, и маленький компаньон велел Его Высочеству напроситься к нему в ученики.

Сейчас Его Высочеству было не до ученичества, но разузнать обстановку заранее не помешало бы.

Спустившись к деревне местного племени у подножия горы, путники первым делом навестили нескольких племенных старейшин.

Здесь люди в большинстве своём отличались прямым нравом; если соблюсти приличия, выудить из них деньги не составляло труда.

Купцы рассчитывали скупить сухого пайка по дешёвке, но в первый же день Лу Цянь столкнулся с проблемой: местные жители не говорили по-ханьски. Общаться с ними было невозможно, и для покупки товаров приходилось полагаться на торговцев.

Торговцы, разумеется, не собирались честно называть настоящую стоимость товаров, планируя совершать сделки от имени Лу Цяня и наживаться на разнице.

Когда Козлиная Бородка заявил, что один цзинь вяленого мяса стоит здесь пять лянов серебра, Лу Цянь ничего не ответил и больше не просил их о помощи в торговле.

Купцы решили, что молодой барчук в чужих краях никого не знает и местного языка не понимает, так что, как бы он ни скупился, рано или поздно ему всё равно придётся умолять их купить хотя бы немного провизии.

Всё утро Лу Цянь молча ходил за пятью торговцами по крошечному рынку племени.

В полдень, когда Лю Саньху торговался у лавки с вяленным мясом, он вдруг услышал рядом знакомый юношеский голос, на беглом местном наречии покупающий у продавца тридцать цзиней вяленого мяса.

Обернувшись, Лю Саньху увидел привычно спокойный профиль Лу Цяня: косые лучи солнца падали на длинные ресницы юноши, отбрасывая бездонную тень на его чайного цвета зрачки.

— Ах ты щенок, да ты говоришь на языке народности байи! — У Лю Саньху от изумления едва глаза из орбит не вылезли. Он никак не ожидал, что этот парень заговорит на местном наречии.

Лу Цянь не обратил на него ни малейшего внимания и на том же беглом местном языке добавил торговцу, чтобы тот отбирал исключительно постное мясо.

Все пятеро торговцев поверить не могли своим ушам. Если мальчик знал местный язык, почему, едва прибыв сюда, он просил их о помощи в сделках?

Он что, за дураков их держит?

Во время обеда предводитель, желая проверить его, произнёс несколько фраз на языке народности байи.

Лу Цянь не отвечал и лишь молча и усердно ел баранину.

Предводитель всё больше убеждался, что происхождение мальчика крайне подозрительно, и продолжал обращаться к нему на местном языке, пытаясь понять, не притворяется ли тот дурачком.

Так и не дождавшись ответа, предводитель заговорил грубее и строго спросил на языке народности байи, кто же он такой на самом деле.

Доев тарелку баранины, Лу Цянь спокойно вытер губы, поднял голову и велел предводителю:

— Говори по-ханьски.

— Не понимаешь? — Предводитель пытался разглядеть фальшь на лице мальчика.

Однако юноша сохранял то же холодное отчуждение, что и при первой их встрече; эмоций на его лице не читалось вовсе.

При первой встрече предводитель решил, будто этот ребёнок — чистый лист бумаги, но теперь понял, что при всём своём огромном жизненном опыте не в состоянии разгадать его мыслей и даже прочесть настроения.

Он не знал, доверяет им мальчик или испытывает вражду, из-за чего сам опасался хитрить в его присутствии.

— Не понимаю, — искренне отозвался Его Высочество.

— Тогда почему ты только что так свободно говорил с продавцом? — Предводитель не верил ни единому слову.

Лу Цянь смерил его взглядом, каким смотрят на идиота, будто укоряя за глупый вопрос, а потому Его Высочество не удостоил его ответом и снова опустил голову, приступая к местному блюду — лепёшке, вымоченной в овечьем молоке.

От природы он обладал феноменальной памятью: прошагав полдня за торговцами по рынку, он внимательно наблюдал за покупками и слушал их разговоры, так что мгновенно запомнил все основные обиходные фразы для торговли.

Предводитель окончательно сбился с толку.

Что за чертовщина с этим парнем? Неужели в самый первый раз, выложив пятьдесят лянов за рыбу, он просто притворился дураком?

Но зачем ему это?

Сплошная чертовщина.

К тому же...

Отчего этот сопляк столько жрёт?!

Только что уплетал за обе щеки жареную баранью ногу, а теперь ещё и уминает с полмиски лепёшки в овечьем молоке!

Манеры-то у него, конечно, отменные, чисто благородный господин, да вот аппетит явно чересчур велик.

<http://bllate.org/book/18379/1767193>